

ЛИНГВИСТИКА

УДК 808.2-31

«ТРАДИЦИОННОСТЬ» СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале новых метафорических номинаций)

Л.В. Балашова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: dementevvv@yandex.ru

Выявляются элементы традиционности в метафорических номинациях последних десятилетий в сферах разговорной речи, общего жаргона и молодежного, компьютерного сленга и сленга военнослужащих.

Traditionalism of the Contemporary Russian Picture of the World in the Field of New Metaphorical Nominations

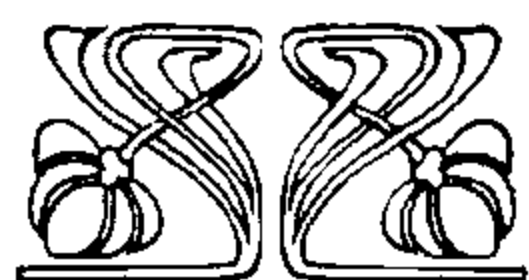
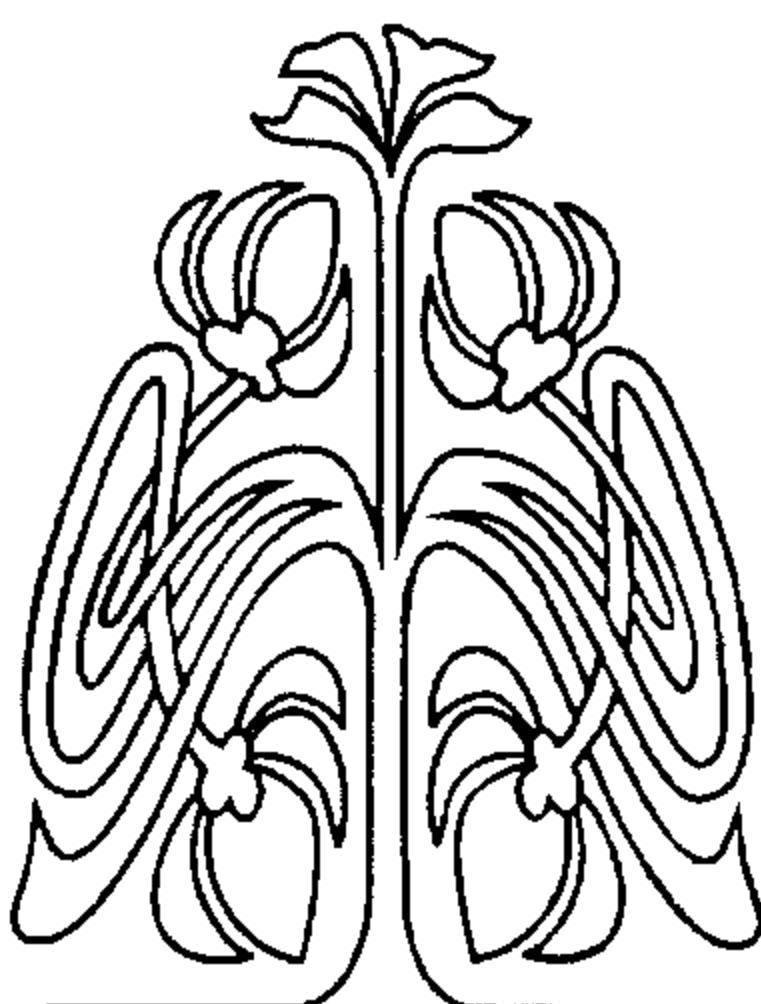
L.V. Balashova

Elements of traditionalism in new metaphorical nominations in recent decades are considered in colloquial speech, jargon and youth speech, computer and military slang.

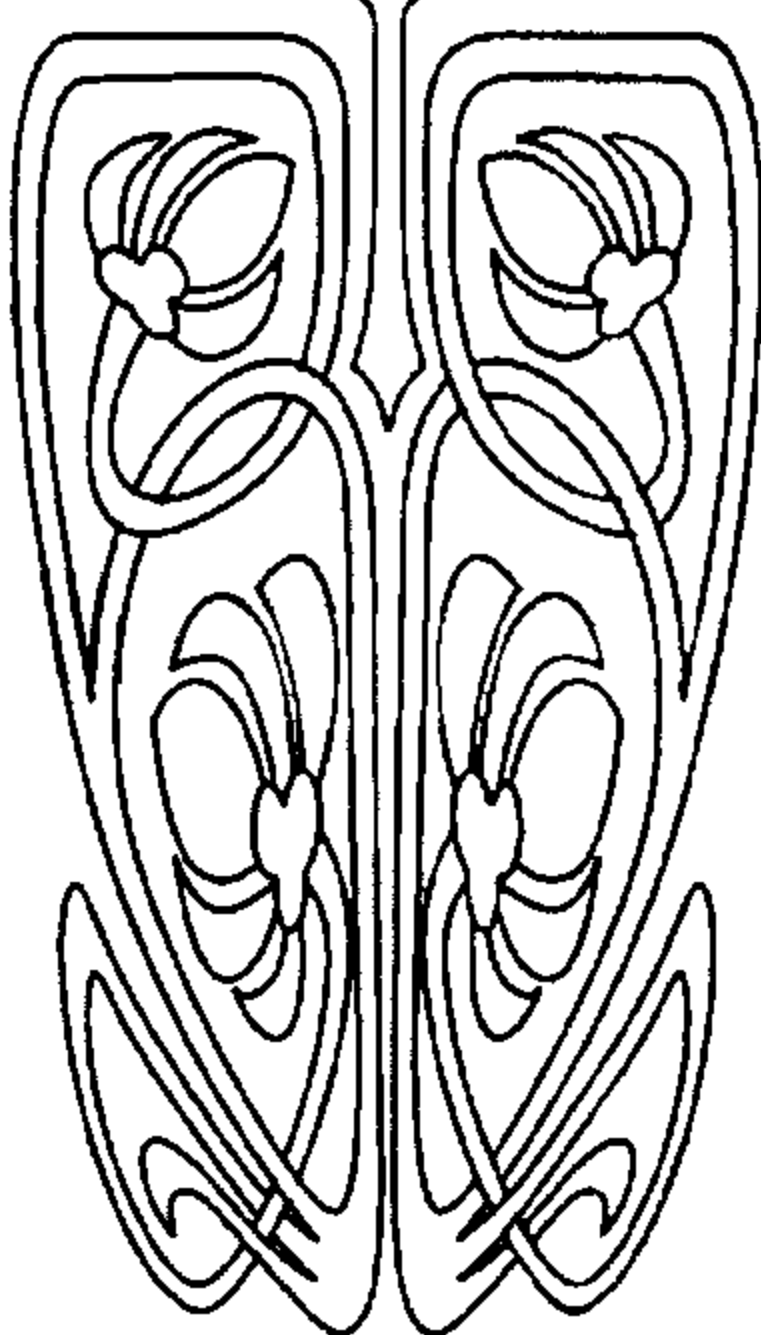
Язык является основным средством экспликации элементов концептуальной картины мира, что получает отражение в языковой, или «наивной», картине мира¹. «Обычно под языковой картиной мира понимается отображение в формах языка экстралингвистической действительности, что в свою очередь проявляется в объеме значения и внутренней форме языковых единиц»². При этом исследователи подчеркивают, что данная картина отражает «неосознанные» наивные представления человека о мире, которые «имплицитно содержатся в его высказываниях и на основе этих высказываний реконструируются исследователями»³.

С одной стороны, «наивная картина мира некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины мира того же участка мира»⁴. С другой стороны, в семантическом пространстве языка находит отражение многовековой материальный и духовный опыт народа, языковые значения раскрывают «наши самые обычные, житейские представления о том или ином объекте (ситуации)»⁵.

Особую роль здесь играет метафора, которая в последние десятилетия рассматривается не только как средство номинации, но и как вербализованный способ мышления и познания. Однако язык не развивается абсолютно параллельно нашему сознанию. В частности, в современной языковой картине можно обнаружить остатки картин прошлых эпох⁶. Поэтому исследователи подчеркивают, что «объективную картину мира для определенного хронологического периода можно получить лишь в результате выявления неологизмов этого периода»⁷, а также изучения лексических подсистем, наиболее активно развивающихся в последние годы.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Большинство лингвистов сходятся во мнении, что современный русский язык развивается чрезвычайно динамично, и это находит отражение, прежде всего, в лексической системе: «Любой язык с течением времени изменяется, в том числе искусственно созданный Эсперанто. Изменяется и русский язык; что заметно даже в пределах одного поколения, и не только специалистам. Наиболее заметны и многочисленны изменения в лексическом составе языка»⁸. Например, «иноязычные новации в русском языке – яркая примета времени»⁹. В качестве наиболее динамичных подсистем обычно называют язык средств массовой информации, просторечие и разговорную речь, жаргоны¹⁰.

Вследствие этого показательным может стать анализ тех субсистем, в которых новации последних десятилетий наиболее ощутимы и заметны – разговорная речь, общий жаргон и молодежный, компьютерный сленг и сленг военнослужащих.

Действительно, при анализе больших блоков лексики (источником материала стали достаточно представительные словари данных субсистем, а также записи живой речи) обращает на себя внимание тот факт, что число заимствований, особенно в молодежном и компьютерном сленге, достаточно велико. Однако «русских» новаций значительно больше. Можно выделить две основные тенденции.

Во-первых, в разговорной речи и жаргонах наблюдается явное стремление к русификации иноязычной терминологии, причем за счет фонетической мимикрии, русских словообразовательных элементов данные термины получают образность и экспрессивность (ср.: *аве Мария* ‘звуковая плата Sound Blaster AWE 32 от Creative Labs Inc.’; *автогад* ‘система проектирования AutoCAD’; *алкоголик* ‘программист, пишущий на языке Алгол’). Примечательно, что при подобного рода русификации регулярно используется именно «традиционная» лексика (ср.: *вакса* ‘компьютер VAX компании Digital’; *дурень* ‘AMD Duron’; *емеля* ‘электронная почта’). Во-вторых, метафора является одним из самых продуктивных способов номинации: в основе формирования переносных значений лежат традиционные концептуальные модели, сложившиеся в русском языке в течение столетий¹¹.

«Традиционность» современной языковой картины мира проявляется также в том, что источником метафоризации регулярно становятся слова, обозначающие реалии традиционного быта и традиционной культуры.

Так, в разговорной речи, просторечии и жаргонах активно используется лексика, связанная с патриархальным (прежде всего – крестьянским) укладом жизни.

В частности, это могут быть наименования построек в крестьянской усадьбе и на территории, прилегающей к ней (ср.: *околица, майдан, хата, изба, сени, хлев, курятник, сарай, лабаз, банька, стойло, загон*).

Регулярно переносные значения развивают номинации традиционных артефактов, именуемых простейшие орудия труда, бытовые предметы, одежду, игрушки. Часть из них широко используются в любом доме (ср.: *веник, лопата, ведро, горшок, корыто, кувшин, матрешка, метла, молоток, наперсток, сапог, фартук*), другие встречаются преимущественно в деревенском быту (ср.: *жбан, квашня, колода, кочерга, бочка, самовар, дрова, телега, седло, дышло, хомут*).

Примечательно, что многие из таких артефактов в начале XXI в. воспринимаются уже как устаревшие или устаревающие (ср.: *керогаз, керосинка, картуз, лапти, сарафан, табакерка, галоши, дерюга, лапсердак, бирюлька*). Подобного рода номинации характерны для стратов, носителями которых является юное поколение российского общества. Например, в молодежном жаргоне для наименования современных автомобилей и мотоциклов регулярно используются названия устаревших или устаревающих средств передвижения, прежде всего – гужевого транспорта (ср.: *каreta, кибитка, тачанка*).

Интересным представляется также следующий факт. Как показал опрос, далеко не всегда носители жаргонов могут дать точную формулировку первичных значений традиционной лексики. Затруднения вызвали слова, характеризующие как дореволюционный городской и патриархальный крестьянский быт (например, *лапсердак, бирюлька, табакерка, кочерга, дышло, шарманка*), так и бытовые реалии первой половины XX в. (например, *керогаз*), причем это распространялось даже на слова с отчетливо воспринимаемой внутренней формой (например, *табакерка, квашня*).

В метафорических системах разговорной речи, просторечия и жаргонов регулярно используются номинации традиционных русских блюд, причем не только распространенных (*блин, каша, квас, латша, студень, коврижка, крендель, овсянка, плюшка, семечки, кисель*), но и экзотических для большинства современных жителей России (*кулебяка, брандахлыст*). Показательно, что и в данном случае ни один из опрошенных не смог дать определений первичных значений экзотических для современной русской кухни блюд (*кулебяка* – ‘большой продолговатый пирог с начинкой из мяса или рыбы, капусты, каши’ → в молодежном жаргоне ‘хороший автомобиль’; *брандахлыст* ‘жидкий плохой суп, а также вообще плохая жидкая пища, питье, бурда’ → в разговорной речи ‘о пустом, ничтожном человеке’).

Очень активно метафоризируются члены семантических полей, характеризующих традиционную хозяйственную деятельность. Самым востребованным среди них оказывается земледелие. Наиболее частотны номинации процессов выращивания зерновых и огородничества (ср.: *жать, косить, пахать, молотить, прополоть, сажать, насаживать, молотба, прополка, окучить*), а также традиционных земледельческих орудий и лиц по роду деятельности (ср.: *соха, серп, тяпка, грабли, мотыга, плуг, косарь, пахарь, плуговик*).

Реже в процесс метафоризации включается соответствующая флористическая лексика (*солома, соломка, ботва, картошка, капуста, репа, морковь, петрушка, тыква*). Кстати, в определении первичного значения слова *ботва* (‘стебель или листья корнеплодов, клубнеплодов, бобовых’) носители молодежного жаргона, где эта лексема и была зафиксирована, причем сразу в нескольких значениях (‘волосы’; ‘мошонка’, ‘мелкие купюры’), испытывали явные затруднения.

Животноводство преимущественно представлено зоонимами, именующими домашних животных и птиц, типичных для русского крестьянского подворья (ср.: *бык, бугай, баран, овца, коза, козел, козлик, корова, телка, свинья, конь, кляча, жеребец, лошадь, савраска, курица, клуша, петух, гусь, кобель, собака*). Интересно, что самым востребованным оказываются существительные *коза* и *козел*. Так, номинатив *коза* в компьютерном

сленге имеет значение ‘комбинация Ctrl+Alt+Del, выполняемая при помощи трех пальцев одной руки’, в разговорной речи – ‘бойкая подвижная девочка, девушка’, а в молодежном жаргоне таких значений сразу несколько: ‘знак приветствия у молодежи в виде выпрямленных мизинца и указательного пальца поднятой руки’, ‘девушка’. Существительное *козел* регулярно именуется средствами передвижения и человека (как правило, отрицательно оцениваемого коллективом): в молодежном жаргоне – ‘предатель’, ‘мотоцикл’, ‘велосипед’; в сленге рокеров – ‘мотоцикл модели «Ява 350/638»»; в жаргоне военнослужащих ВВС – ‘подпрыгивание, подскок от удара о взлетно-посадочную полосу, толчок при посадке самолета’; в разговорной речи – ‘легковой автомобиль-вездеход армейского типа, открытый или с брезентовым верхом’; ‘мужчина, вызывающий раздражение упрямством, глупостью, ненужностью’.

Достаточно регулярно, но все же менее последовательно в рамках современной метафорической системы используются номинации, связанные с традиционными ремеслами и простейшими трудовыми процессами. Самыми продуктивными оказываются наименования столярного, слесарного, кузнечного, строительного дела, а также орудий, используемых в данных ремеслах (ср.: *пилить, распилить, рубить, порубить, тесать, втесать, рыть, порыть, стругать, плющить, запаять, мочалить, отмочалить, трамбовать, тачка, кувалда, лом, напильник, наковальня*).

Абсолютное большинство таких лексем известны носителям языка и в их первичных значениях. Исключение составляют глаголы *мочалить* и *отмочалить*, которые носители молодежного жаргона при опросе часто связывали с мытьем в бане, причем именно в традиционной русской бане, а не с трудовым процессом – ‘раздирать на мочало, на волокна’.

Современная разговорная речь, просторечие и жаргоны содержат большое число номинаций элементов традиционной (прежде всего – русской и восточнославянской) культуры. Так, регулярно переносные значения развивают наименования народных музыкальных инструментов (ср.: *балалайка, гармошка, дудка, дудочка, бандура, волынка*). Хотя в повседневной жизни носители разго-

ворной речи, просторечия и жаргонов практически не сталкиваются с этими инструментами, но первичные значения лексем им знакомы. Исключение составляет существительное *бандура* ‘украинский народный струнный щипковый музыкальный инструмент’, которое в разговорной речи и просторечии именуется ‘любой крупный, громоздкий предмет’, а в молодежном и компьютерном сленге – ‘персональный компьютер’. Первичное значение этой лексемы было неизвестно всем опрошенным; более того, многие не знали, что это вообще музыкальный инструмент (среди ответов преобладали следующие: ‘что-то старое и уродливое’, ‘что-то большое, что трудно нести’, ‘старая мебель’).

Регулярным источником метафорических наименований в разговорной речи, просторечии и жаргоне становятся русские фольклорные образы (ср.: *емеля, кикимора, упырь, горыныч, баба Яга, Яга, снегурочка*), а также образы героев классических литературных сказок – отечественных, европейских, восточных (ср.: *али-баба, гномы, дракоша, айболит, бармалей, буратино, пилулькин*). Как показали опросы, большинство таких лексем «приходят» в жаргоны, просторечие и разговорную речь опосредованно, а именно – из фильмов-сказок и (пожалуй, в первую очередь) из мультфильмов.

Наконец, достаточно регулярно метафоризируются социальные и культурные историзмы. Так, современные значения получают номинации социальных институтов, зрелищных и развлекательных учреждений, а также лиц по социальной принадлежности, профессиональной деятельности, исторических личностей. Это могут быть слова, характеризующие средневековую Русь и Российскую империю (ср.: *варяги, корабейники, городовой, гусар, зубодер, купец, кучер, тапер, фармазон, балаган, кабак*). Показательно, что в современной разговорной речи и жаргонах популярны советизмы (ср.: *совдеп, ревком, ударник, безлошадный, гепеушник, чекист, тимуровец, КПСС, стройотряд*). В процесс метафоризации вовлекаются наименования утраченных денежных единиц, единиц измерения (*пуд, полпуда, пудовик, верста, алтын*).

Большинство историзмов известно носителям жаргонов, просторечия и разговор-

ной речи, однако некоторые вызвали затруднения. Например, никто из опрошенных не смог определить значение слова *фармазон* ‘масон’; часто не знали точных значений единиц измерения (*верста*) и денежных единиц (*алтын*). Как правило, как полные синонимы (в первичном значении) воспринимались лексемы *гепеушник, чекист*.

Таким образом, можно констатировать, что современная разговорная речь, просторечие и жаргоны активно используют «традиционный» лексический фонд русского языка. Однако сам принцип их функционирования может быть различным.

Во-первых, с помощью «традиционной» лексики могут именоваться новые реалии. Наиболее регулярно это наблюдается в компьютерном сленге и сленге военнослужащих (ср.: *капуста* ‘символ @’, *доска* ‘клавиатура для компьютера’, *айболит* ‘антивирусная программа Aidstest’, *алтын* ‘дисковод для 3.5" дискет’, *корогаз* ‘компьютер’, *балалайка* ‘фронтальной истребитель МиГ-21’, *гребенка* ‘тактика, применяемая в Чечне: способ ведения поиска самолетами, вертолетами и БЛА’, *жестящик* ‘специалист по РЭП’).

Во-вторых, не менее регулярно новые метафорические производные значения используются для экспрессивного обозначения обычных предметов, явлений, процессов, существующих в жизни этноса в течение десятилетий или даже столетий. Такого рода номинации обнаруживаются во всех исследуемых стратах (ср.: *пахать* ‘работать, трудиться’, *тяпка* ‘рука’, *мотыга* ‘долговязая, неловкая девушка, женщина’; *петрушка* ‘симпатичная девушка’, *безлошадный* ‘не имеющий автомобиля, вынужденный перемещаться пешком или на чужих машинах’; *упырь* ‘некрасивый, неряшливо, старомодно одетый мужчина’).

С одной стороны, одна и та же лексема может развивать несколько новых метафорических значений (ср.: *телега* – (1) ‘рассказ, история’; (2) ‘шприц’; (3) ‘легковой автомобиль’; (4) ‘трамвай’; (5) ‘мотоцикл’; (6) ‘велосипед’); с другой стороны, одно и то же явление действительности получает синонимические метафорические обозначения (ср.: *балалайка / доска* ‘худая девушка с плоской грудью’; *лапоты / жаба / капуста* ‘символ @’).

Сам принцип формирования переносных значений может быть связан или не связан с традиционными для литературного языка моделями метафоризации.

При использовании сложившихся в русском языке метафорических моделей можно выделить два варианта их реализации.

В первом случае внутренняя форма и модуль сравнения выражены четко и определено. Самым распространенным является перенос на базе сходства формы, других пространственных и кинетических характеристик. Так, в основе формирования значений *блин* 'компьютерный диск', *доска* 'клавиатура для компьютера' лежит представление о соответствующей форме этих реалий (плоская округлая и плоская прямоугольная). Сходство кинетических характеристик становится базой для развития значения *кадриль* 'фигура пилотажа', *гребенка* 'способ ведения поиска самолетами, вертолетами и БЛА'. Не менее частотны случаи развития переносных значений на базе сходства функций объектов неживой природы, особенностей поведения, образа жизни человека и животного и т.п. (ср.: *пилюлькин* 'лечащий модуль антивирусной программы', *бобер* 'десантник-подводник', *варяг* 'офицер КГБ, присланный со стороны, а не «выращенный» для данной должности в соответствующем отделе'; *коробейница* 'работница военторга'; *купец* 'транспортное судно ВМФ; транспортный самолет').

Во втором случае (и таких примеров не меньше) новое метафорическое значение лишь опосредованно связано с первичным, т.е. основой для переноса становится метафорическое значение, уже существующее в русском языке и функционирующее в литературном речи или просторечии. Так, существительное *корыто* традиционно имеет переносное значение 'о старом, негодном судне, лодке': *Шхуна опять стала отходить от баржи.. Бляхин кричал уже сорванным голосом и метался вдоль борта: – Анфиса, беги сюда!.. Беги, а то сгоришь на этом гнилом корыте* (Ф. Гладков). В военном сленге это же существительное развивает значение 'плавающий танк', где ассоциация именно с переносным литературным, хотя и разговорным значением создает ироничную экспрессию подобной номинации.

Особенно явно мотивация традиционными метафорическими значениями прослеживается в тех случаях, когда первичное значение носителям жаргона известно плохо или неизвестно вообще. Так, существительное *бандура* в просторечии традиционно именуется что-либо громоздкое, несоразмерное в частях, например: *Танкер был водоизмещением сто тысяч тонн, судя по осадке, имел на борту около семидесяти тысяч тонн нефти. Обычно нефть просто горит, но иногда и рвется. Если такая бандура рванет, не поздоровится самому Нептуну, не говоря уж о простых смертных* (Устьянцев). Это значение и становится основой для формирования жаргонного 'компьютер', поскольку объект состоит из нескольких составляющих (системный блок, монитор, клавиатура и т.д.), имеет множество проводов и занимает достаточно большое место на письменном столе, в комнате.

Хотя, как отмечалось, первичное значение глагола *мочалить* носителям молодежного жаргона и компьютерного сленга не было известно, но традиционное разговорное переносное значение 'мучить, терзать' им было знакомо, ср.: *Не везло Чмелеву, нещадней, чем других, мочалила его жизнь* (Леонов). Именно оно мотивирует появление нового значения 'избивать' в молодежном жаргоне и просторечии.

Достаточно часто мотивация нового переносного значения связана в общем значением фразеологизма. Носители молодежного и компьютерного жаргона затруднялись в определении первичного значения существительного *бирюлька* 'набор очень мелких деревянных предметов, используемых в игре, состоящей в том, чтобы из кучки этих предметов вытаскивать крючком один за другим, не задевая остальных'. Однако им был известен фразеологизм *играть в бирюльки*, который становится основой для развития значения *бирюля* 'компьютерная игра'.

Вместе с тем формирование нового значения, особенно при номинации новых реалий в молодежном и компьютерном жаргоне, может быть не связано с существующей в языке традиционной моделью метафоризации. Однако новых метафорических моделей просторечие и жаргоны не образуют. В этом случае самым типичным становится явление

так называемой «звуковой» метафоры¹², где термин «метафора» отнесен к плану выражения слова¹³. Как правило, звуковая метафора связана с фонетической мимикрией английской компьютерной терминологии, например: *баба Яга* ‘видеоадаптер EGA’; *КПСС* ‘файловая система’ (от OS/2 HPFS – High Performance File System); *лапоть* ‘переносной компьютер’ (*laptop*). Никакого внутреннего «сходства» между первичным и вторичным значениями не наблюдается, однако формирование за счет мимикрии новой внутренней формы создает образный экспрессивный потенциал такой номинации.

Кстати, на базе звуковой метафоры может в дальнейшем формироваться и внутренняя метафора, метафора в традиционном смысле слова. Например, за счет звуковой мимикрии формируется номинация *вакса* ‘компьютер VAX компании Digital’, а на этой основе развивается значение *сапоги* ‘люди, работающие на компьютере VAX’ (сапоги чистят ваксой). Случаев подобной языковой игры в разговорной речи, просторечии и жаргонах не так уж и много.

Таким образом, вряд ли можно говорить, что носители современного просторечия и жаргонов глубоко и сознательно ориентированы на сохранение традиционной языковой картины мира при обозначении реалий современности. Однако «традиционные» внешние или внутренние ассоциации играют заметную роль в метафорических системах исследуемых стратов. Показательно уже то, что создателями такого рода переносных наименований становятся молодые люди, проживающие преимущественно в современном российском городе. Кроме того, иногда прослеживается и более последовательное использование традиционной картины мира.

Например, использование элементов патриархальной крестьянской картины мира в сленге военнослужащих связано со стремлением человека дистанцироваться от суровых и страшных реалий военных будней. Не случайно наиболее регулярно такого рода метафоры используются при номинации во-

енных действий, стратегии и тактики ведения боя и т.п. (ср.: в речи военнослужащих во время Афганской и Чеченской военных компаний – *игрушка* ‘мина’; сажать картошку ‘ставить мины’; огородничество ‘минирование’; *косарь* ‘любитель пострелять, особенно расстреливать всех, включая военнопленных’; *куличик* ‘итальянская противотанковая мина ТС-50’).

В целом же использование «традиционных» реалий и элементов «традиционной» картины мира в большей или меньшей степени способствует сохранению данной картины в сознании молодого городского россиянина – основного создателя новых метафорических номинаций в русском языке конца XX – начала XXI века.

Примечания

- ¹ См.: *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: В 2 т. Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995; *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
- ² *Гак В.Г.* Русская динамическая языковая картина мира // *Русский язык сегодня*. М., 2000. Вып.1. С.36.
- ³ *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) // *Русский язык сегодня*. М., 2000. Вып.1. С.9.
- ⁴ *Апресян Ю.Д.* Указ. соч. С.57.
- ⁵ *Урысон Е.В.* Языковая картина мира vs. обиходные представления (Модель восприятия в русском языке) // *Вопросы языкознания*. 1998. №2. С.3.
- ⁶ См., напр.: *Балашова Л.В.* Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков). Саратов, 1998.
- ⁷ *Варбот Ж.Ж.* Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // *Русский язык: исторические судьбы и современность*. М., 2001. С.40.
- ⁸ *Сиротинина О.Б.* Что происходит с русским языком? // *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов, 2006. Вып.6. С.5.
- ⁹ *Какорина Е.В.* Иноязычное слово в узусе 90-х годов (социолингвистическое исследование) // *Русский язык сегодня*. М., 2000. Вып.1. С.137.
- ¹⁰ См.: *Гак В.Г.* Указ. соч.; *Крысин Л.П.* Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация*. М., 2003; *Сиротинина О.Б.* Указ. соч.
- ¹¹ Ср.: *Балашова Л.В.* Указ. соч.
- ¹² См., напр.: *Москвин В.П.* Стилистика русского языка: Теоретический курс. Ростов н/Д, 2006. С.130.
- ¹³ *Любимова Н.А., Пинежанинова Н.П., Сомова Е.Г.* Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб., 1996.